Елиуй Вузитянин появляется на сцене после того, как друзья Иова замолчали. О нем ничего не упоминалось до сих пор. И, скорее, не потому, что речи Елиуя являются более поздней вставкой в оригинальное произведение, как склонны считать многие толкователи. Возможно, Елиуй был одним из соплеменников Иова, если предположить, что упоминающиеся в Быт. 22:21 Уц и Вуз, сыновья Нахора, были обитателями земли, которая получила свое название по имени старшего из братьев - Уц. Конечно, это всего лишь предположение, так как мы знаем и других людей по имени Уц, которые также могли быть основателями одноименной земли. В любом случае Елиуй был значительно моложе и менее известен, чем Иов и его друзья. Потому, видимо, повествователь указал не только имя отца Елиуя, но и племя, из которого он происходил.

Елиуй мог быть одним из многочисленных наблюдателей, собравшихся за городом на пепелище (2:8) послушать спорщиков. Говоря о месте, где проходила дискуссия, следует заметить, что многие древние города имели места за городской стеной, куда выносили мусор и сжигали его там. Со временем вырастали целые холмы из пепла. Прокаженные собирались у таких мест, чтобы просить милостыню у путников, проходивших мимо. Эти пепелища оказались удобными для хранения хлебных запасов, так как в сухой плотной массе пшеница могла храниться довольно долго; к тому же там не было грызунов или червей, кото- рые могли бы испортить запасы. Таким образом, эти холмы, выраставшие подчас выше городских стен, становились важными жизненными центрами древних городов, так как были удобным местом для публичных собраний (1, 252; 17, 396). Иов, пораженный тяжкой болезнью и оставленный своими домочадцами (19:14-19), вынужден был удалиться на такое пепелище за городом, где он мог просить милостыню и получать пищу от проходивших мимо. Там его и нашли друзья, и многие люди приходили послушать их дискуссию. Среди них был Елиуй.

Слушая речи спорящих, Елиуй не мог удержаться. Он никак не соглашался ни с Иовом, ни с его обвинителями.

Многократно он порывался вставить свое слово, но осознание того, что он еще молод, сдерживало его. Пожалуй, только из принципа вежливости молчал этот юноша. Был ли он неопытен и самонадеян, пытался ли он просто обратить внимание окружающих на себя? Кто из нас не пережил нечто подобное в молодости, когда так хочется утвердиться, показать, что и ты чего-то достиг и что-то знаешь!

Но, может быть, Елиуй был искренним в своих действиях и подходил к делу взвешенно и

осмысленно. Ведь его слова и доводы не лишены мудрости. Более того, маститые богословы спорят, насколько прав Елиуй в своем понимании причины страданий Иова. Некоторые рассматривают его выступление как вмешательство самого Господа, желающего таким образом подготовить возмутившегося страдальца к предстоящей встрече с Самим Творцом. Другие - наоборот, полагают, что речь Елиуя была совершенно бессмысленной, потому что, как Иов, так и Сам Господь в эпилоге оставили ее без внимания.

Но не торопитесь выбирать наиболее «правильный» комментарий, не присматривайтесь к ученым степеням толкователей. Пусть вы также «молоды летами», но не стремитесь укорять «старцев» (1 Тим. 5:1), удержите свой «гнев» (32:5, 6). Давайте попытаемся оценить мудрость Елиуя и верность его речей на основании Слова Божьего.

Начиная свою речь, Елиуй объясняет причину своего нетерпеливого вмешательства в разговор друзей и оправдывает себя. Многое можно узнать о характере этого молодого человека из его вступления, но, пожалуй, не стоит выискивать подходящие стихи из притчей Соломона и других известных мест, анализируя его поступок. Достаточно вспомнить, что каждый из нас был или еще остается молод и горяч подобно Елиую. Каждый из нас хотя бы однажды пытался высказать свое мнение там, где его не ожидали. Преследовали ли мы при этом цель раскрыть истину тому, кто ее не видит, или же мы просто, подобно Елиую, делали это только ради себя самих, чтобы нам легче стало (32:20), - это не столь существенно. Гораздо важнее суть того, что он говорит и как представляет Бога и причину страданий Иова.

Вместо Бога

Что побудило Елиуя, смущенно стоявшего в толпе и не решавшегося вставить слово перед седовласыми умудренными старцами, не только укорять их всех, но и выставлять себя вместо Бога в споре с Иовом? Был ли он действительно назначен Богом? Ревность ли по Богу, которого Иов оправдывал менее, чем себя (32:2), подвигнула его на этот шаг, или же им двигала обычная человеческая гордость и самоуверенность? Мы не находим прямого ответа в Священном Писании, и тем не менее у нас есть возможность проанализировать этот факт и прийти к определенному заключению.

Господь часто обращался к людям с различными повелениями, и многие из них, чувствуя свое несовершенство, не решались принять на себя ответственность выступать от имени Бога. Здесь уместно вспомнить Моисея (Исх. 4:10, 13), Гедеона (Суд. 6:15), Исаию (6:5-8), Иеремию (1:6) и других, которые, откликнувшись на призыв Божий, обрели твердость и непоколебимость, не страшась никакого человека.

Здесь же мы видим несколько иную картину. Елиуй робеет перед старцами, но как только он дает свободу своему гневу, он с легкостью оставляет все правила приличия, укоряя и обвиняя многолетних и стариков, и совершенно не задумывается над серьезностью принятой на себя ответственности заместителя Бога. Причем он не только готов отвечать за Бога, но и не против вершить правосудие - «рука моя не будет тяжела для тебя» (33:7). При этом Елиуй оговаривается, что Сам Бог «не дает отчета ни в каких делах Своих» (33:13).

Проблема Елиуя та же, что и у многих из нас: слишком часто он ссылается на свое «я». В двадцати четырех стихах своего вступления (32:6 - 33:7) Елиуй употребляет «я» пятнадцать раз и «меня», «мое» - двадцать шесть раз. При этом Бога он вспоминает лишь четырежды. Рассмотрим эти случаи более детально.

Стремясь опровергнуть возможную отговорку старцев на его укор, Елиуй заявляет: «Не скажите: —мы нашли мудрость: Бог опровергнет его, а не человекін» (32:13). Иными словами, зачем вы оставляете Богу отвечать Иову, когда могли бы сделать это сами, если бы были достаточно мудры. И тут же Елиуй продолжает: «Вот я бы ответил ему, не то, что вы» (32:14).

Следующий раз Елиуй вспоминает Творца, когда прибегает к клятве для того, чтобы подтвердить очевидное: «Я не умею льстить: сейчас убей меня, Творец мой» (32:22).

Беда только в том, что здесь Елиуй, как это часто случается у молодых людей, путает лесть с уважением и почтением.

Единственно, что подтверждает его клятва, так это отсутствие культуры и благовоспитанности.

Затем, вдруг вспомнив о своей зависимости от Вседержителя (33:4), он тем не менее не отказывается от своего намерения: «Вот я, по желанию твоему, вместо Бога» (33:6).

Хотя Иов неоднократно изъявлял желание, чтобы Бог явился ему (9:34, 35; 13:20-22; 16:21; 23:6), и он даже упоминал о посреднике (9:33), тем не менее Иову хотелось получить ответ от Самого Господа, а не от того, кто считает себя вправе говорить за Бога.

Если бы Книга Иова была написана во время вавилонского пленения, как это пытаются утверждать некоторые современные богословы, то Иов мог бы процитировать Елиую слова Господа: «Я не посылал их и не повелевал им, и они никакой пользы не приносят» (Иер. 23:32).

Совершенный в познаниях

Люди используют различные методы для подтверждения своего статуса, положения или образования. Одни используют дипломы и грамоты, другие - мантии и знаки отличия, иные же судят по внешним данным человека. Иов также ощутил большую нужду в некотором удостоверении - документе о его статусе праведника. «Вот мое желание, чтобы Вседержитель отвечал мне, и чтобы защитник мой составил запись. Я носил бы ее на плечах моих и возлагал бы ее, как венец» (31:35, 36). Елифаз, спрашивая Иова о его свидетельствах, предъявлял ему свои: «Что знаешь ты, чего бы не знали мы? что разумеешь ты, чего не было бы и у нас? И седовласый и старец есть между нами, днями превышающий отца твоего» (15:9, 10). Но Елиуй же использует другой метод - метод честного слова: «потому что слова мои точно не ложь:

пред тобою - совершенный в познаниях» (36:4).

Что же «совершенный в познаниях» может сказать нам о предмете нашего исследования? Елиуй действительно пытается защитить честь Бога, которого якобы обвиняет Иов. Но только он делает это не совсем корректно. Во-первых, сказав, что его слова «точно не ложь», он не старается передать слова Иова достаточно верно, иногда искажает, а то и вовсе приписывает ему слова, которых он не говорил.

Потребовалось довольно времени, чтобы проверить, высказывал ли Иов нечто подобное тому, что цитирует Елиуй:

«Ты говорил в уши мои, и я слышал звук слов–» (33:8). Но Елиуй, видимо, слушал Иова не

совсем внимательно. Для него было куда важнее свое собственное понимание проблемы Иова. По крайней мере, из пяти цитат ни одна не повторяет слова Иова в точности. Более того, Иов нигде не говорил о пользе благочестивой жизни так, как это представлено Елиуем (34:9; 35:3). Похоже, что здесь Елиуй просто желает высказать свое мнение о том, что Богу совершенно безразлично, грешит человек или нет (35:6-8), в чем соглашается с Елифазом (см. 22:2, 3).

Мы видим, что Елиуй совершенно не вправе выступать от имени Бога, поскольку он не понимает всего того, что происходит за кулисами событий, разразившихся в земле Уц. Он не знает, что авторитет Бога во многом зависит от непорочности Иова (1:11; 2:5). Елиуй продолжает обвинять Иова в беззаконии, как это делали его предшественники (35:8; 36:17); он даже полагает, что Бог еще легко обошелся с Иовом (34:36; 35:15). Конечно же, Елиуй не согласится и с Богом в оценке праведности Иова (1:8; 2:3).

Между тем Елиуй высказал нечто совершенно новое, чего до сих пор не подмечал никто: «Он вразумляется болезнью на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих– чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом» (33:19, 17, 18). Для многих богословов и комментаторов эта мысль послужила предпосылкой в вопросе оценки речей Елиуя. Вместе с Елиуем они склонны рассматривать защиту Иова как самоуверенность и упрямство. И если Елифаз с друзьями были обличены Богом, то о Елиуе ничего подобного сказано не было. Это и побудило некоторых утверждать, что из всех участников спора наиболее правым оказался Елиуй.

Но есть еще один вопрос, которого Елиуй не знает. Он говорит: «Кто, кроме Его, промышляет о земле? И кто управляет всею вселенною?» (34:13). Для Елиуя сатана не существует. Хотя Иов тоже не знает о сатане, но он уже начинает задумываться над тем, что, вероятно, есть еще кто-то, также «промышляющий о земле» (9:24).

Буря

Почему ни Иов, ни Господь не отвечают Елиую? Почему он не упоминается в эпилоге и исчезает из повествования так же внезапно, как и появился? Отсутствие прямого ответа на эти вопросы натолкнуло многих исследователей на предположение, что речь Елиуя отсутствовала в первоначальной версии Книги Иова. Тем не менее– В своей не совсем последовательной речи Елиуй вдруг меняет тему и начинает говорить о дожде, громе и молнии (36:26 и далее). С чего бы это? Очевидно, вдруг начался сильный дождь. И это напугало Елиуя, потому что он различил в громе голос Бога: «И от сего трепещет сердце мое и подвиглось с места своего. Слушайте, слушайте голос Его и

гром, исходящий из уст Его» (37:1, 2). Чтобы не подать вида, он пытается продолжать беседу, но страх перед Господом, место Которого он пытался занять, всецело охватил его. И уже спотыкается речь, не хватает слов, нет прежней смелости. С волнением он смотрит на Иова, видя его спокойствие, и восклицает: «Научи нас, что сказать Ему? Мы в этой тьме ничего не можем сообразить» (37:19). Но затем, спохватившись, Елиуй вдруг задумался над всем, что он только что говорил: «Будет ли возвещено Ему, что я говорю? Сказал ли кто, что сказанное доносит- ся Ему?» (37:20) Только сейчас Елиуй понял, насколько он был не прав, когда решился занять место Бога. Еще несколько фраз, в которых ощущается напряжение и внутренняя борьба, надежда и сомнение, и– Елиуй бежит. Он не столько убоялся налетевшей бури, сколько Того, голос Которого он распознал...

Ни Бог, ни Иов не стали обсуждать убежавшего.